

Обычно, засыпая в обнимку, они лежали лицом к лицу, соприкасаясь кожей, но сейчас было куда неловче. Ся Гу покраснел, слегка поёжился и сказал Янь-вану: «Лапша готова».

Но Янь-ван, распластавшийся на нём сверху, и не думал шевелиться. Их щёки прижались друг к другу, холодная кожа к горячей, и Ся Гу на мгновение вовсе перестал что-либо чувствовать.

«Угу», — отозвался Янь-ван, не проявляя ни малейшего желания подняться.

У Ся Гу горели уши. Он выключил газ, потянулся за миской и разлил лапшу. Только тогда Янь-ван нехотя поднялся и направился в гостиную.

Когда тот, кто был у него за спиной, внезапно исчез, Ся Гу глубоко вздохнул, взял себя в руки, спокойно подхватил миску и пошёл вслед.

Раньше им не доводилось есть вместе, и Ся Гу не знал, что Янь-ван, чьё присутствие обычно подавляло, за столом ведёт себя с изящной чинностью. Простой доширак он уплетал так, будто это изысканное французское блюдо. Вспомнив своё обычное обжорство, Ся Гу понял, что до аристократа ему далеко.

Янь-ван был худощав — но это была худоба без намёка на лишний жир, сплошь рельефные мышцы. Уму непостижимо, как он, обожая всякую дрянь, умудрялся сохранять такую форму. Ся Гу мысленно преклонил перед ним колени.

Закончив, Янь-ван взял у Ся Гу салфетку, вытер рот и потянулся за колой, чтобы продолжить. Ся Гу тут же выхватил бутылку: «После еды пить колу — живот заболит. Подожди немного».

Янь-ван уставился на него с каменным лицом, лишь в глазах мелькнула искорка. Ся Гу, смутившись под этим взглядом, настаивал: «Тебе же говорю — это полезно».

Уголок губ Янь-вана дрогнул в лёгкой улыбке. Он моргнул: «Я в курсе».

Янь-ван вообще улыбался редко и сдержанно, но, может, как раз поэтому его лёгкая улыбка действовала так умиротворяюще. Увидев её, Ся Гу осмелел и, фыркнув, проворчал: «Вот и славно».

Янь-ван лишь смотрел на него, улыбаясь, и не отвечал. Но во взгляде его появилась нежность, о которой он сам, кажется, не догадывался. Как правитель Дифу, он был окружён заботой всех своих подданных, но ничья забота не была ему так приятна, как забота Ся Гу.

Помыв посуду, Ся Гу включил Янь-вану телевизор. За вечер он успел взмокнуть. Раздевшись в спальне до трусов, он невозмутимо прошёл через всю гостиную и юркнул в ванную.

Включил душ, выставил температуру, скинул трусы. Слегка тёплая вода окатила тело, и каждая пора наполнилась невыразимым блаженством. Сполоснувшись пару раз, он выключил воду и принялся намыливаться, покрываясь с головы до ног пушистой пеной.

Как раз когда он собрался снова открыть кран, дверь в ванную распахнулась. В проёме показалось лицо Янь-вана, пристально уставившееся на Ся Гу.

Тот так перепугался, что поднял ногу и прикрыл руками причинное место. Из-за пены на лице разглядеть его выражение было невозможно, но голос выдавал испуг.

— Чт... что такое?

Оглядев Ся Гу с ног до головы, Янь-ван спросил: «Что это ты делаешь?»

Янь-ван привык мыться в бассейне и с обычным душем был не знаком. Ся Гу смахнул пену с лица и ответил, не зная, смеяться ему или плакать: «Да моюсь же!»

Не успел он договорить, как Янь-ван шагнул внутрь и, начиная раздеваться, заявил: «Я тоже».

Ся Гу: «!!!»

Не дав ему вымолвить и слова, Янь-ван полностью обнажился. Ся Гу видел его голым и раньше, но каждый раз это зрелище повергало его в шок.

Душ висел невысоко, и струя била на небольшом участке. Янь-ван шагнул вперёд, и Ся Гу отступил. Тот двинулся следом, пока Ся Гу не упёрся спиной в стену. Глаза щипало от мыла, он опустил взгляд туда, где их тела вот-вот должны были соприкоснуться, упёрся ладонями в грудь Янь-вана и затараторил: «Ваше Величество, не надо так близко!»

Но едва он это сказал, Янь-ван слегка надавил грудью — и их тела мгновенно слились. «Конец», — пронеслось в голове у Ся Гу.

Прижавшись, Янь-ван пару раз поводит бёдрами, потеревшись о Ся Гу, и лишь потом отстранился. Осмотрев пену у себя на груди и сравнив её с обильной пеной на Ся Гу, он констатировал с полной серьёзностью: «У тебя больше».

Так значит, он захотел помыться вместе только из-за пены? Ся Гу, почувствовавший себя полным идиотом, мысленно закатил глаза. У него же от этого всего сердце в пятки ушло и кое-что чуть не встало!

Включив воду, он кое-как смыл с себя пену, затем наклонился, чтобы намылить Янь-вана.

Годы тренировок не прошли даром: стойка у него была крепкой, а попа — упругой и соблазнительно выпуклой. Наклонившись, он выставил её прямо перед Янь-ваном. Движения рук, растирающих гель, заставляли ягодицы ритмично подрагивать.

Янь-ван, наблюдая за этим сверху, зачерпнул пригоршню воды и вылил ему на попу. Вода, лишь слегка тёплая, пройдя сквозь ледяные пальцы Янь-вана, стала просто леденящей. Ся Гу почувствовал, как ледяная струйка скатилась по межъягодичной борозде, и чуть не подпрыгнул на месте.

Чуть не — потому что смытый гель сделал пол скользким, и, едва он дёрнулся, ноги поехали, а тело полетело вперёд. Ся Гу вскрикнул: «Мамочки!» — но в тот же миг сильная рука обхватила его за талию, а его выпяченная попа плотно прижалась к паху Янь-вана сзади. Придя в себя от испуга, Ся Гу залился густым румянцем.

Он заторопился подняться, лицо его пылало, как раскалённый пар. Наскоро намазав Янь-вану гель на грудь, он пробормотал: «Пару движений — и пена сама появится», — и, не оглядываясь, выскочил из ванной.

Выйдя в гостиную, он ощутил на лице контраст температур. Глянув вниз, на свою возбуждённую «братву», Ся Гу сжал губы в горькой усмешке.

Из-за пены Янь-ван провёл в душе добрых полчаса. Когда он вышел, на диване его уже ждали приготовленные Ся Гу трусы и шорты. Вытершись, он натянул трусы. Ся Гу был помельче

телосложением, и его трусы сидели в обтяжку, слегка сдавливая.

Шорты он надевать не стал и направился напрямиком в спальню. Ся Гу лежал на кровати и обмахивался от жары веером. С появлением Янь-вана в комнату ворвалась струя прохлады. Без тени стеснения Ся Гу распахнул объятия и воззвал: «Ваше Величество, давайте займёмся тичжу!»

Разумеется, Янь-ван был только рад.

Тело Ся Гу осталось на диване, а душа отделилась. Две души улеглись на кровать, зажав между животами тичжу. Только тут Ся Гу разглядел Янь-вана в тесных трусах — там кое-что выпирало ещё внушительнее и, судя по всему, доставляло немалый дискомфорт.

Посмотрев на свои собственные, впору сидящие трусы, Ся Гу почесал нос и сказал: «Маловаты, однако».

— Ничего, — нетерпеливо обнял его Янь-ван, зажав тичжу между ними.

Один искал прохлады, другой — тепла; обнявшись, каждый получил желаемое, и картина вышла на редкость гармоничной.

Стеснительный обычно Ся Гу сегодня вёл себя необычайно раскованно — закинул ногу на бедро Янь-вана. В такую душную летнюю ночь обнимать его было приятнее, чем сидеть под кондиционером.

Видя такой пыл, Янь-ван и сам пребывал в прекрасном расположении духа. Тепло от тела Ся Гу нейтрализовало холод тичжу у него на животе, и привычный внутренний холод отступил.

Когда обоим стало хорошо и комфортно, к Ся Гу вернулось самообладание. Бёдра их соприкасались слишком тесно, и он слегка отодвинулся, переведя разговор на сегодняшние события.

— Ваше Величество, сегодня вечером... это был призрак?

При этих словах лицо Янь-вана стало серьёзным.

— Свирепый призрак, — ответил он. — Обычные души после суда отправляются на Путь Перерождения, выпьют суп Мэн По — и в новую жизнь. А великие злодеи попадают в восемнадцать уровней Ада. В Аду тоже есть сроки, отбыв которые, они могут выйти на перерождение. Такие же свирепые призраки получают в Аду пожизненное.

— Но если им дали пожизненное, как они ухитряются сбежать в мир Ян? — Ся Гу всё ещё не мог понять. — И нападают они на людей, кажется, с определённой целью.

— Угу, — задумчиво протянул Янь-ван, не вдаваясь в подробности. — Завтра, когда вернёмся в Дифу, велю Цуй Юю разобраться.

Цель у свирепых призраков действительно была: уничтожить душу жертвы и занять её тело, чтобы продолжить жить в мире живых.

Такие призраки либо сбегают из восемнадцати уровней Ада, либо... кем-то специально создаются.

<http://bllate.org/book/16256/1462544>